

Сергей ПУПЫШЕВ

г. Петрозаводск

НАДЬКА, НАДЕЖДА

рассказ

Арктический шнур¹, лежащий под матрасом, Агрел спину ровно и качественно. Хорошо, что пацаны северодвинские подогнали, а так бы горя хапнул: на улице за минус тридцать — спину надо беречь, когда спине тепло, холод не страшен — это ещё с Северного Кавказа помнил Фёдор. Заночевал как-то зимой в горах, в вагончике. Нары деревянные, лампа керосиновая — не было больше ничего. Раздвинул доски на нарах, поставил под них зажжённую керосинку, лег ровненько позвоночником на щель между досками да и переночевал. Вставал, правда, тогда частенько — фитиль подкручивал, но спине тепло, а больше и не надо ничего.

А теперь буржуйка в комнате грела, но бетонный, хотя и утеплённый опилками и дощатым настилом пол всё равно простывал. Вода, по забывчивости оставленная в пластиковой канистре на полу, к утру замерзала. Для чая приходилось топить снег, благо, тут он чистый. Лютовали морозы уже неделю. Декабрь ещё только родился, а снега уже было в достатке.

Фёдор для своих сорока лет был крепок, росту среднего, слегка косолап, грузноват, но подвижен — сказывалось многолетнее занятие борьбой. Надька любила примоститься рядом с ним. Вытянувшись во весь рост, прижималась преданно — так теплее обоим. Привязался к ней Фёдор, сердцем прикипел. Два месяца вместе. Молодая, забавная, но отважная, без неё было бы совсем грустно.

Уже почти три месяца Фёдор провёл на самой окраине старинного провинциального городка в Архангельской области, где даже тротуары по старинке мостились досками. Домой хотелось — скучал по жене и сыновьям. Работу свою почти закончил, дело было за малым — настроить пилораму, купленную в складчину, и опробовать её. Скоро, очень скоро вдохнёт он жизнь в железную машину, и наконец начнёт она приносить долгожданную копейку. Сдвинется дело — заживёт, закрутится... Фёдор уже чувствовал бодрящий запах живицы, представлял, как, благоухая, раскрывается чрево древесное и кольцевые линии жизни чудно расписывают свеженапиленные доски. Впервые пятнадцатилетним парнишкой в мастерской отца ощутил Фёдор радость от сделанной ещё не умелыми руками табуретки. Теперь вот и сам

мастер. Оставалось отладить пилораму, потом — домой дожидаться смены и через месяц, после Нового года, — обратно, снова на месяц вахты. Так изначально договорено было — одна смена месяц трудится, другая в это время отдыхает. Да и ребята попались серьёзные, некоторые участвовали в чеченской кампании, награды имели, ранения. Заработанные деньги договорились делить ровно — по-честному.

* * *

Фёдор всегда любил ездить в плацкартном вагоне. Коллектив большой, разношёрстный. Всегда попадётся добрый попутчик, не то что в купе, где нет ни выбора, ни возможности спокойно перебраться к интересной компании или пофлиртовать с дамой, тоже скучающей и не возражающей против случайного знакомства. В поезде, как на исповеди, честно рассказываешь попутчику о сокровенном, наболевшем, тревожащем душу, зная, что вряд ли ещё встретишь того, кто смог тебя выслушать и дал выговориться.

Так и в тот памятный раз получилось. Фёдор возвращался из Москвы, а соседом оказался парнишка из Северодвинска Василий. Выпили, закусили, завели беседу — оказалось, воевал в Чечне. Долго говорили, душевно. Вася в гости пригласил. Фёдор в то время не особенно обременен работой был, взял да и согласился.

Принял Василий его радушно: стол дома накрыл, с товарищами познакомил. С неделю отдыхали: шашлыки, рыбалка на Белом море, потом надумали пилораму завести. Что ещё делать в краю лесном? Выбор пал на городок, за пятьсот километров от Северодвинска, недалеко от границы с Карелией. Там и с сырьём хорошо было, да и основной сбыт пиломатериалов в Петрозаводске находился. Работы Фёдор не боялся, да и по деньгам успел соскучиться — семью кормить надо. Остался.

В местном дышавшем на ладан уже не первый год совхозе директриса без сожаления предложила им старый разрушенный коровник. Не верила в серьёзность намерений. Зрелище и впрямь было удручающее: длинное стометровое кирпичное здание с одной сторо-

ны было почти полностью разрушено, крыша обвалилась, только кое-где ещё виднелись обнаженные рёбра стропил. Окна и двери зияли пустыми проёмами. Внутри — горы строительного мусора, остатки рубероида, изломанные доски и всякий прочий хлам. Война перестроечная успешно добивала последние совхозы на Русском Севере. По некошеным полям уныло бродили поджарые коровы.

Большим плюсом была асфальтовая дорога, доходившая прямо до бывшего коровника, и ещё возможность подключить электричество — благо, столб рядом был.

— Справитесь? — недоверчиво поинтересовалась усталая хозяйка.

Вариантов не было.

— Справимся, — переглянувшись, ответили парни.

Поселились всей компанией недалеко от разрушенного коровника. Сняли у одинокой бабули небольшую комнату, увешанную пожелтевшими фотографиями бравых и почему-то непременно усатых её бывших мужей. Та рада была квартирантам: побалагурить будет с кем вечерком за самоваром.

Рядом с коровником стояла старая совхозная баня. Местный мужик её в аренду взял и сохранил — отремонтировал, в чувство привёл и по субботам и воскресеньям народ окрестный банькой радовал. Как только зашевелилась стройка — подошёл.

— Рябов Олег, — представился, подав сухую крепкую руку.

Рябов был лет тридцати пяти от роду, невысок, мозолист на ладонь, в кости не широк, жилист, кадыкаст, с открытым лицом.

— Что намечается? — поинтересовался банщик.

— Пилораму ставим, — коротко обрисовал Фёдор.

— Тогда соседями будем, — подытожил Рябов.

Следующий день принёс в строительные ряды пополнение. Вытаскивая маленький пушистый комочек из-за пазухи, Рябов обратился почему-то к Фёдору.

— Федь, возьми котёнка. Подросший, больше месяца... Машка моя принесла. Жинка всех убрала, одного оставила, чтоб кошка не убивалась. К туалету приучен, — убеждал Рябов.

Фёдор бережно принял малыша в большие ла-

дони. Уже дома с осторожностью опустил кроху на пол. Не привыкший жить без мамки, котёнок попал в другой мир — незнакомый, с великим множеством чужих запахов. Поджав уши, осторожно, боязливо ступал, шаг за шагом обследуя предметы и что-то, наверно, откладывал в своей несмышлёной головке. Всё пахло и выглядело незнакомым для этого крохотного существа, впервые оторванного от молочного-тёплого живота матери. И котёнок закричал, закричал жалобно, зовя мать-кошку, испугавшись неожиданно свалившегося на него этого нового мира.

Фёдор налил в тарелку магазинного молока и подтолкнул, почти ткнув в неё носом, котёнка. Тот сначала отпрыгнул, фыркнул, затем облизал мокрую мордашку, распробовав, припал к тарелке. Насытившись, удовлетворённо мяукнул, подошёл к человеку, ещё раз обнюхал и нагло забрался по штанине к нему на колени. Облизнувшись, умылся, сыто замурчал и тут же уснул. Это так тронуло Фёдора, что он не посмел переложить его на кровать и просидел в одном положении около часа, пока маленький дружок не открыл глаза. Проснувшись, котёнок потянулся, неуверенно спустился на пол, где и продолжил изучать пространство, всё реже и реже призывая покинутую не по своей воле мамашу. Пепельный, с белым пятнышком на груди, он вскоре обнаружил задорно-взрывной характер и по признакам пола был наделён Фёдором именем Надька. Скучать и впрямь озорная Надька не давала, с каждым днём росла. Спать любила только с Фёдором, преданно устроившись на его груди.

* * *

Дружно начали. Пашка — борец действующий, вольник, средневес квадратно-крепенький, в то время в спортроте служащий, поэтому почти свободный. Зыков — брютет, высокий, статный, отслужил, в Чечне в боях бывал. Василий — жилистый, мозговитый, тоже порошу понюхал. Кац — самый старший, из Северодвинска, отличался сообразительностью по природе своей иерусалимской. Фёдор по старшинству возглавлял эту славную когорту. Вставали рано. Мускулисто-жилистая «пятерня» пилила, лома-

ла, крушила всё лишнее, ненужное. За три недели многое сделали. Выгребли весь хлам. Крышу стали восстанавливать из сохранившегося ещё доброго пиломатериала, снятого тут же. Сначала Фёдор не мог нарадоваться на мощный слаженный коллектив. Вот она — сила, молодость! Горы можно свернуть! Иногда по выходным бравый тестостерон гнал молодежь на дискотеку. Фёдор не отставал. С местными зацепились сразу же, встали дружно, спина к спине, отбились достойно, потерь не понесли, если не считать пары синяков у пацанов да разбитой губы у Фёдора. Но эта неприятность только развешила его и напомнила о бурной молодости. Местным повезло меньше. Следующий день пришёл вместе со вчерашними противниками и закончился братанием и распитием мировой. Но постепенно стальные, казалось, парни начали уставать. Первым ослабел сообразительный Кац — отпуск его заканчивался. Вторым сдался Василий. Затем спортсмена на сборы вызвали. Последним **ульнул**² Зыков — помогал месяц. Фёдор на неделе оставался трудиться один, но на выходные, когда приезжали северодвинские, дело продвигалось быстрее. Крышу рубероидом застелили. Смастерили и отделили перегородкой от основного здания комнату для житья прямо на рабочем месте — от бабули съехали. Местные парни подогнали буржуйку и чёрно-белый телевизор. Холодильник старенький по случаю выменяли за три бутылки. Тут и новоселье справили. Надька быстро освоилась на новом месте, росла, крепла.

* * *

Фёдор лежал на нарах и мечтательно улыбался. Дело замедлилось, но всё равно двигалось в нужном направлении. Надька жила своей неуёмной беззаботной жизнью. Носилась как угорелая по комнате, неожиданно представив себе невидимого врага, с шипением выгибала спину, бочком подкрадывалась к кому-то, бросалась на него, крутилась со своей тенью. Пулей взлетала к Фёдору на одеяло, застывала, распластавшись, притаившись с прижатыми ушами, нервно поигрывая хвостом, и Фёдор, провоцируя её, пальцами рук или ног делал

почти незаметные движения, на которые та мгновенно откликнулась, бросаясь на мнимого противника. Иногда, устав от неё, Фёдор бросал на пол крышку от пластиковой бутылки, которую Надька с упоением футболила по всей комнате. Наскакавшись, уморившись, непременно ластилась к хозяину, преданно и умирительно мурча, скрашивала его одиночество.

Изредка Надька осторожно кралась в дальний угол комнаты, где, затаившись, подолгу сидела, прислушиваясь и нервно подёргивая хвостом.

Проснулся Фёдор от шумной возни. Соскочил с нар, включил свет. В углу, сцепившись, катались две серых тени. Надька пыталась одолеть большую, чуть ли не с неё саму ростом крысу. Отчаянно визжа, серая тварь всё-таки освободилась от ещё неумелой хватки котёнка-подростка и шмыгнула в угол, надеясь скрыться в недавно прогрызенной норе. Надька кинулась вслед, перехватила её, и вновь закрутилось всё в смертельном танце. Но крыса ускользнула, вырвалась, матёрая... Надьку трясло от возбуждения и охотничьего азарта. Просидев безрезультатно с полчаса у крысиной дыры, Надька неохотно, но гордо направилась к хозяину. Крыса больше не появлялась.

* * *

Пару раз в неделю Фёдор ходил за несколько километров на телеграф, звонил домой. После каждого разговора с женой и сыновьями грустнел всё больше: дома ждали. В выходные при первой возможности старался заработать: разбирал развалины старого коровника — на очищенные кирпичи нашёлся покупатель. Радовался Фёдор, когда внутри стенки кирпичи были накинаны вообще без раствора, шабашники «старались», стройматериал был новый, чистый. Сколько за них выручал — всё домой посылал. А иногда колол дрова немощным бабкам, ходил на болото за клюквой. Нарвался как-то: крупная, с вишню величиной, ковром багровым болото скрыла, он увлёкся, да ступил не туда — нога в сапоге провалилась сразу. Пока вытаскивал её, потерял болотник³. Только самый краешек торчал из трясины. Засуетился сначала, стал вязнуть, сообразил лечь на топь и раскинуть руки в сторо-

ны. Вроде держит. Стал одной рукой пробовать обувь вытянуть, но лишённое опоры тело начало проминать топь, закачалось на зыби. Идти домой босым пять километров не хотелось. Подполз ближе, ухватился зубами за торчащий из болотины край сапога, потянул — мёртво сидит. Потянул сильнее — зубы сжались судорожно. Откусил кусок резины. Перехватился половчее да потащил так, что шея захрустела — и пошёл, по сантиметру, но пошёл. Так, перехватывая зубами, вызволил обувь из плена, потом потихоньку перекатился до кочки ближайшей...

* * *

— Печь надо сложить — с буржуйкой зиму не протянешь. Труба вон там, видишь? — Рябов указал на полуразрушенное здание с зияющими пустыми глазницами окон метрах в трёхстах от пилорамы. — Котельная совхозная, брошенная... Кирпича там возьмишь огнеупорного, глину сухую подбери. Колосники, задвижка, поддувало и дверца у меня имеются. Сам класть не умею, книжку с порядовкой кладки дам, захочешь — сладишь. Печник сдерёт. Дорого сейчас.

Три дня Фёдор отбивал кирпич, глину считал, возил на санках — шесть сотен запас, да глины мешков пятнадцать припёр. Дальше — опять к Рябову.

— Как замочить глину правильно? — полюбопытствовал Фёдор.

— Да ты к Лукьянычу сходи. За школой его дом, рубленый. Через магазин пройди, — подмигнул банщик, — в разговоре легче будет.

Старик Лукьяныч поднялся тяжело, шаркая ногами, подошёл, сунул Фёдору холодную, сухонькую, с длинными узловатыми пальцами ладошку и кивнул на лавку:

— Сидай.

— Лукьяныч, печь хочу сладить, помоги делом или советом. Кирпич и глина имеются, — без обиняков начал Фёдор.

— Делом-то вряд ли, а за совет — побулкать бы... — щёлкнул большим пальцем по кадыку хитроватый Лукьяныч.

Пол-литровый «бульк» был немедленно водружён на стол. Стопки со стола, видно, никогда не убирала.

— Глина в зиму откель взялась? — оживился старик.

— С котельной брал, с кирпичей счищал.

— Ну, та хороша. Путня. В шисят четвёртом сам месил, — осушив, не морщась, стопку, удовлетворённо отпустил Лукьяныч, — там всего в меру. Ты её разбей получше, чтоб без комков была. Залей в достатке, *лопата*⁴ чаще, не ленись. Через три дня принеси комок — посмотрю, — наставлял после второй воодушевлённый печник.

Глину Фёдор замочил в двух бочках — двухсотлитровых. Через три дня она поспела, дошла до готовности. Фёдор слепил из неё колобок — и к Лукьянычу. Тот помял глину, колбаской раскатал между ладонями, потянул за концы в разные стороны. Затем сотворил небольшой, с куриное яйцо шарик, бросил с уровня пояса на пол, поднял, рассмотрел придирчиво.

— Ушлый ты парняга, угадал: хороша! — всё ещё разминая глину помнящими руками, похвалил ученика старик.

Хорошо, что Зыков из Северодвинска подоспел. Дружно взялись за печку, благо — фундамент не надо было заливать — пол бетонный, мощный. Ровно, ряд за рядом росла печка, глаз радовала. За три дня справились, уже и трубу вывели — к удивлению, ладно получилось. Ещё через день подтапливать начали. Проснулась тяга, завывала радостно, уютом запахло в комнате. Надька сначала с большой осторожностью отнеслась к новому большому и тёплому предмету, но потом привыкла и любила пристроиться рядом, наслаждаясь и нежась.

* * *

«Ну, всё вроде», — произнёс про себя Фёдор, докрутив последние гайки, — настроил пилораму. Прошёлся, проглядел все узлы заново. Всё чинно, всё в уровне. Не впервой было ему станки налаживать. Пилу натянул до нужного тембра. Завёл станок. Зазвенела пила-струна звуком правильным, заслушался Фёдор — поёт агрегат, работать просится. Теперь дело за малым — надо лес завезти и пилить пробовать. Пошёл к заготовителям — пообещали завтра подвезти. Ночь спал плохо, не мог дождаться пиловочни-

ка, хотелось быстрее начать работать: пилить, деньги зарабатывать. Но до обеда лес не привезли, до вечера тоже. Позвонил — оказалось, лесовоз сломался, до делянки не доехал. На следующий день со вторым заготовителем связался, тоже обещания были, там опять беда — водитель запил. Ещё день потерял. Тут первый позвонил — починился, завтра будет лес железобетонно.

С вечера завьюжило, завывало. Всю ночь пуржило так, что не видать ничего. Под утро стихло, прояснилось, приморозило. Фёдор с трудом открыл дверь, вышел на улицу и обмер: дорогу перемело начисто, в пояс. Лесовоз стоял, увязший в снегу метрах в двухстах от пилорамы, как застывший в арктических льдах ледокол, пробиться не мог. Дороги не было — метров двести снежной целины. Утопая в снегу, Фёдор добрался до машины. Водитель, разводя руками, вспоминая матушку, клял всё: погоду, работу, машину... Пришла вторая гружёная машина, кое-как первую сдёрнула, и уехали обе разгружаться в другое место, на другую пилораму. В общем, беда.

Допоздна Фёдор махал лопатой, чистил дорогу на ширину колеи лесовозной, хорошо — с обеда Рябов подключился, один бы не сдюжил. Суббота завтра, народ в баню потянется, а дорога одна. Утром, проснувшись не рано, Фёдор потянулся, накинул полушубок, вышел на улицу. Настроение было почему-то замечательное. Он знал, что делать.

До церкви идти было около часа, но он даже не заметил, как добрался. Заутреня всedневная заканчивалась. Наконец Фёдор смог подойти к батюшке, посетовал, что дело новое трудно начинается. Застопорилось. Словно рок какой висит.

— С Бога такие дела надо начинать, благословение получить. Возьми, сын мой, воды святой да окропи место рабочее. Иди с богом. Да по воскресеньям не работай. Ступай, — осеняя крестом, проводил батюшка.

Утро субботнее было чистое... Переливчатым колокольным звоном зарождался новый день. Дышалось радостно, хотелось набрать полные лёгкие свежести этой морозной, непогрешимой, раскинуть руки, силы все вложить и закричать зычно, так закричать, чтобы дрогнуло всё, а неудачи посыпались битым стеклом под ноги.

Обратно к своему пристанищу Фёдор шагал бодро по хрустящему, ослепительному, по-де-

вичьи чистому снегу, держа бережно за пазухой бутылочку с освящённой водой. Уже перед пилюрамой окропил дорогу, вчера чищенную. Станок окропил с большим усердием, да и сам не преминул пару глотков сделать. Затем зашёл в комнату, разделся, прилёг на кровать. Надька тут же взлетела на одеяло к своему хозяину, прилегла ему на грудь и преданно замурлыкала, слегка потаптывая одеяло мягкими лапками, время от времени выпуская острые коготки. Под эту музыку Фёдор и задремал.

Стук в дверь заставил его вздрогнуть и соскочить с кровати. Дверь широко распахнулась, и заглянула улыбающаяся физиономия.

— Хозяин, лес нужен? — и в комнату вкатился маленький, розовощёкий от морозца мужичонка лет тридцати пяти.

— Вези, — всё еще не совсем проснувшись, протирая глаза, ответил Фёдор.

— Вот ты спать! Время-то — день! Привёз уже. Иди принимай! — розовощёкий выплыл наружу.

— На эстакаду давай, — всё ещё не веря в это пришествие, но уже окончательно проснувшись, оживился Фёдор. — Комлями в одну сторону клади.

Лес был хорош! Ровный, в меру крупный, гонкий, по всему видно — плотно в делянке рос, к небу стремился. Мечта, а не лес! Несмотря на кажущуюся медлительность, лесовозник мастерски, бойко владея манипулятором, справился с разгрузкой.

— Сам скубатуришь? С деньгами как? К Новому году отдашь? По штуке годится? Ну, давай пока, звони, если ещё надо. Ваня я. Знают тут меня, — мужичок всучил листок с номером телефона, влез в лесовоз и умчался восвояси.

Ещё пару часов назад Фёдор был в церкви, говорил с батюшкой, Бога просил, отчаявшись. Услышал, значит. Услышал! В воскресенье работать не стал — батюшка так велел.

Позвонил парням: приезжайте, мол, пора начинать. В ответ у всех появились какие-то проблемы неотложные, важные. «Ну да ладно, сам начну, — решил Фёдор. — Не впервой».

Утром встал рано. Умылся, бодро отфыркиваясь. Покормил трущуюся об ноги и мурчащую Надьку. Позавтракал. Одедся не наспех, основательно, свободно, чтобы ничего не ме-

шало. Выходя к станку, размялся по-борцовски — покрутил вкруговую кисти, повращал руки в локтях, нагнувшись, поработал торсом, покачал до хруста в шее головой, растёр снегом до красноты лицо — и в бой.

Всё ему было привычно: бревно накатило, закрепил и пошёл раскрывать красоту древесную. Доска вышла ровная, в размере, на загляденье хороша. Фёдор любил дерево, запах свежераспиленной доски приятно щекотал ноздри. Работал привычно быстро, почти не останавливаясь, — любовь к работе с древесиной от отца перешла — тот всю жизнь отдал дереву, многих ребят в жизнь вывел, профессию дал. Допоздна трудился Фёдор. А потом приходил в комнату к печи, ужинал, валился спать. Размотал Фёдор лесовоз пиловочника на доску за три дня в одиночку, тяжело было, но терпимо — дело сделал, справился. Рябова позвал, завечеровали, обмыли. Стойкий в работе банщик и во хмелю не дурной, несёт хорошо.

— Не едут парни, проблемы какие-то дома, говорят, — сокрушался Фёдор, — завтра быть обещались.

— Наелись они работой, сытые, похоже. Я так думаю, городские — не сдюжат, — махнув очередную рюмку, резанул Рябов. — Хоть и геройские, но городские, не готовы ещё. Жизнь не прижала. Ты-то, видно, хапнул её полной ложкой, с горочкой, — хрустя солёным огурцом, подметил он.

— Есть маленько, — поскромничал, соглашаясь, Фёдор.

— Что-то Надька у тебя квёлая, — наливая привычно ровненько, произнёс банщик, приглядываясь к неподвижно лежащей на нарах Надьке.

— Ещё утром вроде скакала, — Фёдор попытался расшевелить её, но она, поднявшись тяжело, отошла в сторону.

— Настроения нет иль не выпалась, — неуверенно предположил Фёдор.

— Ну ладно, до завтра, а то моя заждалась, — вставая, прокряхтел Рябов. — А то давай ко мне, добавим.

— Лучше до завтра... Бывай, — усталым голосом попрощался Фёдор.

Не приехали парни. Полдня Фёдор проводился со станком. Порядок навёл. Надька ни-

чего не ела, не пила — рвало её, поносило кроваво — смотрела на Фёдора жалобно, будто извинялась за свой недуг. После обеда не выдержал, попросил Рябова до ветлечебницы подкинуть на узике.

— Прививку от энтерита делали? — первым делом спросил ветеринар, осмотрев котёнка.

Фёдор отрицательно покачал головой.

— Плохо... Запустили... Организм обезвожен... Капельницу поставим, прокапаем сегодня. Завтра привозите ещё... Может, и выкарабкается.

Завтра легче не стало. Фёдор ещё раз ездил в ветлечебницу на уколы и капельницу, на мгновение ему показалось, что котёнок ожил, встрепенулся. Но к вечеру стало хуже. Надька, пошатываясь на нетвёрдых лапках, пыталась запрыгнуть на нары к Фёдору, не смогла подняться даже до половины, цепляясь когтями за свешенное одеяло, она старалась подтянуться, но лапы только дрожали от бессильного напряжения. Жалобно беззвучно открывала пасть, но звук даже не вырвался из гортани. Надька, ещё недавно казавшаяся ртутью живой, чертёнком быстроногим, угасала.

* * *

Балки перекрытия рухнули неожиданно. Одна из них, влекомая останками крыши, упала прямо на Фёдора и пригвоздила его немислимой тяжестью, содрал лоскутами кожу, обнажив красную кровавость плоти. Становилось невмоготу, из груди вырывался только хрип, ни стонать, ни дышать не было возможности. Пугающий хруст ломающихся ребер заставлял думать о последнем часе. Всё, кажется, конец... Но жить хотелось, хотелось как никогда! Усилием последним, невероятным, крича неистово, как зверь раненый, рванул... Не хотела она, тяжесть смертная, отпускать, цеплялась крючьями своими жадными, оставляя след кровавый на груди. Злостью, криком нечеловеческим, желанием жить скинул Фёдор балку с груди своей и... проснулся.

Пот градом стекал по лицу, сердце колотилось бешено, а на груди его скорбно покоилась серым камушком Надька, тёплая ещё, бездыханная. Она лежала, тихая, но оскал смерти уже

тронул её красивую мордашку, бесстыдно обнажив пронзительно-белые молочные клыки.

Бережно, двумя ладонями взял Фёдор исхудавшее тело, невесомое, хворью высушенное, положил на чистое полотенце и аккуратно завернул, укутав как младенца, осторожно опустил на нары.

Вышел на улицу. Кривой лоскут луны рваной раной зиял на простреленном звёздами небосводе. Лопатой разрёб колючий снег. Ударил ломом — стылая земля отозвалась гулким бетонным стоном. Ударив ещё несколько раз, Фёдор остановился. Закопать в снег? Откроет весной Надькино тело заспанное солнце, глумясь, расклюёт прах циничное вороньё. Нет. Выдолбить в стылой земле могилку? Равнодушно источат черви. Нет, не хотел этого Фёдор.

Напротив курилась ровным дымным столбом баня Рябова. Была суббота. Зимой Рябов обычно начинал топить за полночь — к утру баня должна быть готова. Фёдор, постояв недолго, вернулся в комнату, собрался скоро. Закинув сумку на плечо, осторожно поднял свёрток, прощально оглядел небогатое своё жильё, вышел, подперев **палкой** дверь снаружи. Уверенным шагом пошёл к бане.

Котельная встретила жарко дышащим зевом. Рябов дремал, разморившись в своём потрёпанном замусоленном кресле. На скрип двери встрепенулся, но не удивился раннему визиту.

— Надька умерла, — скидывая сумку, мрачно произнёс Фёдор.

— Плохо, — вставая и протягивая руку, прокряхтел банщик.

Фёдор открыл дверцу топки. Обдало жаром нестерпимым. Молча постоял со скорбной ношей, затем насколько можно аккуратно положил её в топку, почему-то перекрестил. Рябов хотел закрыть дверцу, но Фёдор перехватил его руку и аккуратно отвёл в сторону. Некоторое время смотрел, как пламя сначала с осторожностью, потом с пугающей жадностью загудело алчно, завыло тягостно и со зловещим аппетитом поглотило печальный свёрток. Через минуту не выдержал, закрыл топку.

— Водка есть? — сухо спросил Фёдор.

Рябов достал початую бутылку, два гранёных стакана, хлеба четвертинку. Сало нарезал помужски — крупно, луковицу развалил на четы-

ре части. Фёдор налил по половинке. Выпили молча, не чокаясь. Сразу налил по второй, будто куда-то спешил.

— Хорошая была... Жаль... Ушла... — Фёдор отошёл от топки, отвернулся, задумался. — Как баня?

— Иди, уже можно. Тебе хватит. Через два часа открою, народ пойдёт.

Парился Фёдор безжалостно. После — мыл, скоблил тело с каким-то особым усердием и тщательностью, будто пытался смыть печаль, грусть, злость за время это потерянное, за то, что не уберёт, не смог вырастить это маленькое, дорогое сердцу существо. Всё отдала Надька Фёдору. Одной частичкой тепла в парную проникла, в жар очищающий превратилась, другой — водой тёплой ластилась, просталась... После бани Фёдор снова зашёл в котельную.

— Поеду я... Умерла Надежда... Там клюквы у меня килограмм сорок, осенью собирал, за-бери себе. Лес я попилил, доска на месте. Па-цаны приедут — передай, что деньги за пило-вочник мужику надо к Новому году отдать, вот его телефон, — протянул бумажку Фёдор. — Всё, бывай!

— Обожди, — остановил Рябов. Пошарил в засаленных карманах, протянул деньги. — Возьми, — протянул пару купюр, — тебе нуж-нее... Дорога дальняя...

Они обнялись, пожали друг другу руки.

Фёдор вышел на улицу, задержался на мину-ту, окинул взглядом в последний раз пилораму и пошёл, не оглядываясь, уже ни о чём не жалея.

Больше его здесь ничто не держало.

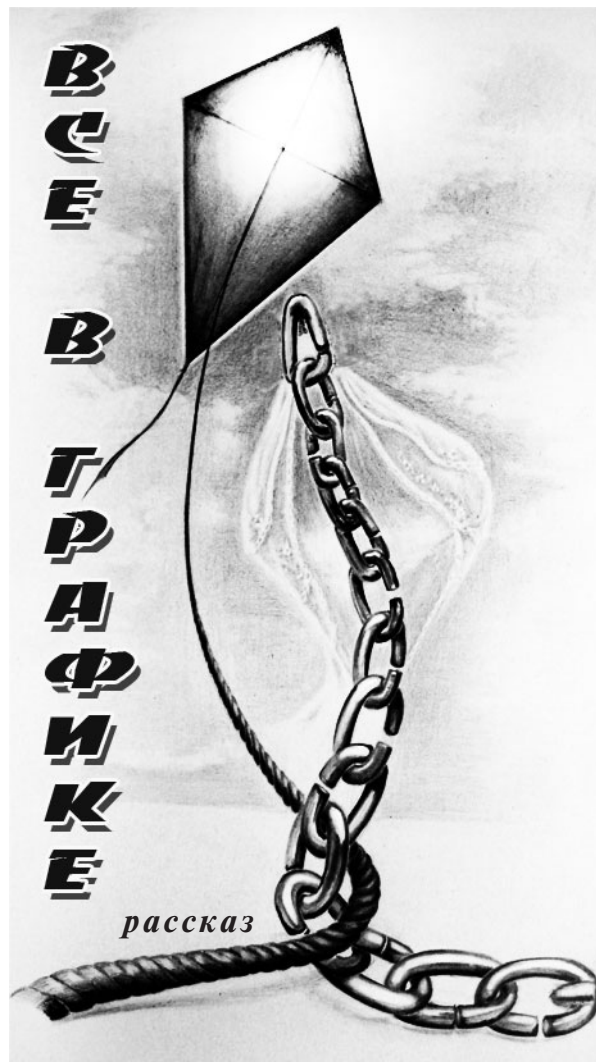
¹ Арктический шнур — электронагревательный прибор, выполненный в виде шнура в пластиковой оболочке, применявшийся в арктических и полярных экспедициях для обогрева спальных мест.

² Ульнуть — ускользнуть.

³ Болотник — высокий, до паха, сапог.

⁴ Лопатить — мешать лопатой.

⁵ На Севере в маленьких городах и посёлках, не боясь воров, не запирали дома на замок, просто подпирали дверь снаружи палкой либо даже шваброй, показывая тем самым, что хозяев нет дома.

Ан позвонил ей ещё вчера.

Первую **двушку**⁶ расположенный на углу квар-тала телефон-автомат в исписанной ненор-мативными разностями будке с битыми стёклами проглотил, даже не поперхнувшись, нагло и рав-нодушно, дав услышать лишь долгожданное «алло». Затем что-то грюкнуло, загудело против-но и протяжно... Ему пришлось бежать за разме-ном в столовку через дорогу. Гудки, казалось, мучили бесконечно, но всё же после седьмого трубка ответила знакомым задорным голоском, монетка слегка шевельнулась, вздрогнула, и ап-парат с удовольствием съел денежку.

— Завтра родители на дачу уедут. На все выходные... Завтра у меня две пары. После обеда я дома. Давай ко мне в пять или в шесть?

— Давай лучше в три, — молодой человек сглотнул и чуть не задохнулся, так давно он этого ждал.

— Тогда в семь! — она звонко рассмеялась, радуясь его нетерпеливости.

— Буду в пять, — нарочито обиженно промямлил он.

Он студент второго курса политехнического института, крепкий малый, спортсмен. Она студентка того же вуза, только другого факультета, комсомолка, красавица, лыжница. Знакомы месяц. Походы в кино, на дискотеку, долгие телефонные разговоры, полуночно-изнемогающие прощальные поцелуи у подъезда — все эти этапы были уже пройдены. Наступало, как им казалось, что-то большое, неотвратимое...

Он прохаживался по квартире в одних трусах уже минут пятнадцать. До назначенной встречи было часа полтора. До автобусной остановки идти минут пять, потом минут пятнадцать — на общественном транспорте и ещё метров триста от остановки до её дома. Добираться двадцать пять минут, но это если учесть регулярно ходивший автобус. Минут пять для подстраховки всё-таки необходимо: до счастья около получаса — и ещё шестидесяти-минутная вечность.

Секундная стрелка на кругляше настенных часов ползла по-черепаши, никуда не спеша. Он ещё раз заглянул в холодильник. Советское полусладкое шампанское торжественной ракетой стояло на пустой полке, шоколадка фабрики имени Бабаева мёрзла рядом. Вчера ему едва хватило остатков стипендии на всю эту роскошь. В магазинах ни того, ни другого не было, пришлось сбежать в кафе, отдать знакомому официанту последний червонец и выйти с заветным пакетом через чёрный ход. Лишь два пятакка с грустью позвякивали при ходьбе в кармане. Как раз на автобусный билет — туда и обратно.

Брюки, единственные, парадные (потрёпанные, бывалые джинсы для этого случая просто не годились), торжественно отглажены, стрелки, будто гордясь собственной безукоризненностью, резали глаз. Пара поблескивающих чёрным шиком туфель стояла на низком стар-

те в нетерпении у входных дверей. Рубашка, купленная в Ленинграде, — гордость его гардероба, белая, как первый снег, и чистая, как душа младенца, скрупулезно отутюженная, гордо висела на плечиках, ждала его трепетно, как невеста в первую брачную ночь.

Он открыл зеркальную дверь платяного шкафа и отошёл полюбоваться собой в противоположный угол комнаты. Всё ещё в трусах. Широкоплеч, белобрыс, ловок. Его воображение упрямо рисовало недопитое шампанское, ещё источающее пьянящие, летящие вверх трассирующей пунктирной линией пузырьки... Как в его мускулистых объятиях дрожит от вожделения её сильное, трепетное тело. Как она... А он...

О! Это невозможно! Сколько ещё осталось? Рванул в комнату, глянул на часы. Времени ещё четыре. Выходить всё равно рановато.

Лето 84-го было знойным. Послеобеденное беспощадное июльское солнце зенитными стрелами прожигало спальный район. Откуда-то справа, подкравшись подло, по-предательски, из-за спины, чёрная слепая туча хмурым фиолетом наползала на немые серые крыши хрущёвок-пятиэтажек. Он заметил её не сразу. Зашелестел тополиной листвой тугокрылый разбойник-ветер. Резко потемнело в комнате. Где-то далеко громыхнуло с треском — раскатистым и неотвратимым. Застучал через минуту сначала шальными свинцовыми каплями, а затем беспощадной монотонной вражеской канонадой ливень, хлещущий, шумный.

Студент переживал, закончится ли дождище за полчаса? Вдруг нет? Рванул в прихожую. Зонта на месте не было, видно, мать взяла, прогноз видела... Побродил по квартире минут десять, затем оделся не торопясь. Всё сидело безукоризненно, зеркало это подтвердило. Оставалось только ждать.

Из окна пятого этажа видна вся улица. Его подъезд был крайним, у дороги. Метров через триста дорога уходила влево и скрывалась за поворотом. Перед выходом из дома он всегда сидел у окна. Ездил на тренировку каждый день. Всё у него было отработано. Как только из-за поворота показывался рейсовый автобус, он вскакивал и стремглав нёсся по лесенкам. Выбегая из подъезда, оглушительно хло-

пал дверью, пугая до икоты вечно сидящих на лавочке дворовых бабуль-сплетниц, и успевал на остановку вовремя. Иногда он прибегал первым и ждал автобус, а иногда запрыгивал в последний миг, но успевал всегда.

Ливень заставил его понервничать. Мокнуть в таком виде не хотелось. Дождь прекратился без двадцати пяти пять. Просто неожиданно завернул сплошной стеной за угол пятиэтажки – и пропал. Раскалённый солнцем, но умытый с обеда асфальтовый город парил в легкой дымке. Из-за поворота, сверкая мокрой желтизной, показался рейсовый «Икарус». «Успеваю, всё в графике!» – подумал студент. Пакет с шампанским и шоколадкой, подхваченный сильной рукой, уже мчался вниз. Глотая пролётами ступени, он нёсся, летел влюблённым ветром к милой, ждущей...

Автобус уже поравнялся с ним. Некоторое время они мчались вровень, но затем железная машина, презрительно фыркнув, выдохнула клубы едкого дыма и вырвалась вперёд. Всё же лужи слегка замедлили бег студента, но он, ловко лавируя, уверенно приближался. Народу на остановке почти не было, и водитель, уже собираясь отъезжать, включил поворотник, но вовремя заметил бегущего молодого человека и оставил заднюю дверь открытой. Неудачно остановился автобус: около задней

двери умиротворённо покоилась большая, улыбающаяся отражённому светилу лужа. Оставалось лишь два шага. Уже будто протягивал из автобусных дверей свою добрую руку поручень, и только один решительный прыжок – и студент влетел бы быстроногим гепардом прямо в душное чрево автобуса...

На бегу перекидывая пакет драгоценный из руки в руку, оторвался от земли в сильном, восторженном прыжке юноша, перепрыгивая лужу каверзную. Схватился на лету за поручень рукой могучей, занося тело спортивное в проём автобусный и... покатился кубарем под охи пассажирские по луже, в чистом и глаженном, вырвав с корнем ржавый поручень, прогнивший, предательский.

Поднялся, в сердцах сплюнул, зашвырнул отчаянно железяку обломную прямо в кусты. Пакет со стекляшками – в урну... И – домой, не спеша... Прямо по лужам.

(Публикуется в авторской редакции)

⁶ Двушка – двухкопеечная монета, используемая для оплаты в телефонах-автоматах во времена СССР.

Сергей Львович ПУПЫШЕВ

родился в 1964 г. в Перми.

С 2004 года живёт и работает в Петрозаводске.

Пишет стихи, прозу.

Автор поэтической книги «Тёплый дождь» (2013).

Лауреат литературных конкурсов «Сестра таланта» (2014),

«Петроглиф» (2014, 2015)

и творческого конкурса «Север – страна без границ» (2016),

победитель «Конкурса путевых заметок»

ресурса «Лента.ру» (2016).

В журнале «Север» публикуется впервые.

